

Сергей Чернышев

ТЕХНОЭКОНОМИКА

Кому и зачем
нужен блокчейн

16+

Сергей Борисович Чернышев

Техноэкономика. Кому и зачем нужен блокчейн

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37941264

SelfPub; 2018

Аннотация

В современном мирохозяйстве пути науки и практики, похоже, разошлись. Стало привычным, что объяснительные схемы экономической неоклассики ничего не объясняют, её прикладные модели ни к чему не приложимы в повседневной реальности. Лишённая научного фундамента, хозяйственная практика оказывается в плену у цинизма и эмпирики, предпринимательские схемы из сферы хозяйственного законодательства выталкиваются в область уголовного. Надежда в том, что новая научная парадигма выношена в лоне культуры и уже появляется на свет. В книге представлен опыт практической реализации этой парадигмы в работах автора и его коллег в сфере социальной инженерии.

Содержание

Вступление. Современность как собственность[1]	4
Приложение	9
{Из черновиков С. Платонова}	15
Часть 1. Проект	18
Корпоратизм! Хоть слово дико, но нам ласкает слух оно...	18
Рузвельт всегда живой. Юбилейные тезисы[5]	62
1. Дума о Рузвельте безъязыкая	62
2. Бытие, сущность и понятие истории	63
3. Галактика Нового курса	65
4. Рузвельтовская экспроприация экспроприаторов	66
5. Маркс и Рузвельт против вульгарного экономизма	68
6. Типология кротов метаистории	69
7. Индивидуализм и коммунизм: союзники в борьбе с корпоратизмом	70
8. Партия рузвельтовского типа	71
9. Величайший эволюционер эпохи	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Сергей Чернышев Кому и зачем нужен блокчейн

Вступление. Современность как собственность¹

– Профессор Каспаро, – сказал Званцев, – я должен поговорить с академиком Окада. Он ждал этой информации всю жизнь.

*– Это невозможно, – произнес Каспаро. – Академик Окада умер.
Стругацкие. «Полдень, XXII век»*

Дата рождения С. Платонова, автора подмётной книги «После коммунизма», неизвестна. Но точно датируется инициация его проекта. 14 июня 1983 года на Пленуме ЦК прозвучало откровение Андропова: партия не изучила должным образом общество, которым правит, и вынуждена действовать «эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок».

В декабре 1983 года С. Платонов отправил Юрию Андро-

---

¹ <http://gefter.ru/archive/20264>

пову первый из серии закрытых докладов. По информации из независимых источников, материал попал в руки к адресату. Дочитал ли тот его – неведомо. 9 февраля Андропов умер.

Вскоре начались конфиденциальные встречи С. Платонова с руководящими деятелями партии и правительства. Документы, которые были тогда предметом обсуждения, преданы гласности ещё в СССР, за два года до Беловежского инсульта.

Несколько лет назад в Википедии обнаружилась развешивающаяся статья «С. Платонов», пестрящая несуразицами с первых строк.

Герой был личностью не «вымышленной», а коллективной, социальной – разницу легко уяснить из той же Wiki. За вычетом ссылок на первоисточники, «Книгу, не предназначенную для печати» ничто не связывает с марксизмом – напротив, это усилие высвободить мысль Маркса из чуждой оболочки, узурпировавшей его имя.

Но нервом всей истории была, конечно, не младогегельянская понятийная математика, в которой авторы Вики-статьи безнадежно запутались. Главное – экзистенциальный опыт пятилетия встреч с могущественными и бессильными творцами кораблекрушения СССР. Прямо со сцены-палубы, уже уходившей из-под ног, они спускались за кулисы, чтобы вместе с нами разбираться в Марксе и в собственности. И всё было чинно, подавался цековский и кремлёвский чай – а

из-под двойных кабинетных дверей тянуло смертным холодком.

Помню первый контакт. Между нами – пропасть стола, посадочной полосой уходящего в глубь кабинета. Стены в дубовых панелях, фаланга телефонных аппаратов, номенклатурный значок на лацкане, шестой десяток члена ЦК против тридцати моих беспартийных. И беседа – прямая, открытая. И физически ощутимый импульс понимания, поверх барьеров смыкающий нас.

Врезались в память две фразы собеседника.

Первая, исполненная сердечной боли: «Полоса великого безмыслия прошла по России!»

И вторая, как бы мимоходом, об очевидном: «В мире существуют только два современных государства – ну, вы понимаете: Союз и Штаты».

Партия на программном уровне провозгласила неизбежность гибели империализма, обещала «закопать» США. А тут один из её идеологов взял, да и стянул понятийным обручем непримиримых врагов. Он ясно видел: это качество – «быть современным» – драгоценное достояние, его завоевание – тяжёлый труд, его потеря – катастрофа. Это братство преодолевших предысторию, оно роднит поверх ядерно-классовых и иных границ. Так у Шекспира роковая сила бросила подростков в объятия, сломав маховик вековой вражды кланов.

Век расшатался. Время изменило русло, устремилось в

новый проран между мировыми войнами. И те народы и государства, что бодро держались на стремнине, вдруг очутились в сонных старицах, зарастающих затонах, а то и вовсе в болоте. А две огромные страны, прежде колупавшиеся на отшибе, вдруг понеслись вперёд в потоке нового мейнстрима.

Как они туда попали:

- были обречены на современность – или подвернулись ей под руку?
- эволюционно – либо благодаря мудрому предвидению?
- поймав течение – или перенаправив поток на лопатки своих турбин?

Да и что это, собственно, значит – «современный»?

Мы искали ответы у С. Платонова, спрашивали друг у друга, у авторов умных книг. Но думать об этом становилось не с кем и незачем.

Пророчество сбылось. Безмыслие обернулось бессилием. Грянула катастрофа – и в мире уцелела лишь одна современная страна.

Да полно, уцелела ли? А если да – продержится? И удержит на себе мир?

Способен ли вообще сохраниться однополярный остров современности?

Бывает ли современность частной, корпоративной, национальной, блоковой? Иными словами, возможна ли монополия на современность подобно собственности?

Ладно мы – но обойдётся ли мир без России?

Или уже есть кем заменить нас в тандеме?

Да и почему тандем – быть может, устойчивость мира нуждается в троице?

А для нас, выпавших из современности – заказан ли путь назад?

И точно ли это «назад» – или вперёд?

Чего хочет от нас современность – если ещё чего-то хочет?

Что теряет и что находит обычный гражданин обычной страны, выпадая (вместе с ней) из современности и возвращаясь в неё?

Живёт ли собственность без современности? А идентичность?

Какова современность на уровне структур повседневности?

И как устроены её несущие технологии?

Об этом речь.

Сергей Чернышев

Приложение

Из книги С. Платонова «После коммунизма»²

1983.11.18–12.13

{Из доклада Андропову}

Каковы главные черты нового способа производства, выходящего из пламени исторических битв, отряхивающего прах старого мира?

Важнейшая из них – *превращение отношений собственности в общественную производительную силу* (то, что принято называть "установлением общественной собственности на средства производства"). Повторим еще раз, что речь идет не просто о победе нового типа отношений собственности над прежним. Здесь мы сталкиваемся с *качественно новым типом перехода между формациями*.

Отношения собственности утрачивают в этом переходе роль сущностной границы способа производства, определяющей всю систему его производственных отношений. Теперь они уже сознательно используются в качестве новой общественной производительной силы. В этом качестве отношения собственности дают уникальную возможность мобилизовать производительный потенциал общества как целого, впервые подчинить эту мощную силу целям производства. Одновременно, где и когда это необходимо и уместно,

---

² <http://www.ckp.ru/biblio/p/platonov/ac/aftercomm1.htm>

там и тогда становится возможным использовать различные адекватные задаче и ситуации типы отношений собственности в качестве общественных производительных сил. Можно только догадываться о реальном разнообразии таких типов, которые, вероятно, могут быть связаны с социальными целостностями различных видов и уровней: ассоциациями, территориями, организациями и т. д. – вплоть до непосредственного достояния всего человечества.

Вторая основная черта нового способа производства относится к материальной базе общества, доминирующему типу средств производства. *Человеческий труд, а вместе с тем и человек как таковой уйдут из сферы материального производства.* Функционирующие в ней гибкие автоматизированные средства труда будут компактными, децентрализованными, экологически чистыми. Мучительные сегодня проблемы специализации и невероятно усложнившихся кооперационных связей, вызванные к жизни крупномасштабным узкоспециализированным производством, умрут вместе с ним. Исчезнет усиливающееся давление на социальную сферу громады административно-технологических отношений. Наконец, исчезнет проклятье отчужденного труда. "...Историческое назначение капитала будет выполнено тогда, ... когда прекратится такой труд, при котором человек сам делает то, что он может заставить вещи делать для себя, для человека" (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.46, ч.1, стр. 280).

Но что же составит в этих условиях основное содержание человеческой деятельности?

Человек становится опосредствующим звеном между сферой материального производства, основой своего существования, по отношению к которой он отныне выполняет только функцию развития, и сферой общественного сознания, совокупного духовного богатства общества, являясь одновременно его субстанцией и субъектом.

От воспроизводства средств производства мы переходим к новому типу общественного воспроизводства – воспроизводству человека.

* * *

Созданная К. Марксом политэкономия капитализма по форме была аналогична классическим естественным теориям в том отношении, что изучала объективные законы взаимодействия производительных сил и капиталистических производственных отношений, взаимодействия, хотя и отражаемого в различной степени общественным сознанием, но в целом не подвластного ему.

Исследователям, не потерявшим здравого смысла, давно было понятно, что все ухищрения скроить экономическую теорию социализма по образцу и подобию политэкономии капитала не более перспективны, чем попытки нерадивого ученика, пишущего сочинение на тему "Образ Павла Корча-

гина", списать его у отличника-соседа по парте, избравшего тему "Лишние люди". Теперь же можно точно выразить, в чем здесь состоит проблема.

Предмет экономической теории социализма – уже не объективная диалектика формы и содержания производства, а *диалектика, опосредствованная общественным сознанием*, и в первую очередь – такой его формой, как марксистская теория. Желая сохранить политэкономии социализма в классической форме теории, изрекающей некие «законы», должны ясно осознавать, что она обязана тогда быть *мета-теорией*, т. е. среди ее объектов, закономерную связь которых она устанавливает, наряду с производительными силами, производственными отношениями и т. д. совершенно равноправно должны фигурировать *теории* и другие формы, отражающие активную роль общественного сознания.

Но гораздо более естественным и перспективным путем представляется придание экономической теории реального социализма не дескриптивной, а конструктивной, *нормативной формы*. Эта теория должна не описывать, а предписывать, *ее законы должны быть законами строительства, нормативными моделями, проектами конкретных этапов развития хозяйственного механизма*.

Кроме того, ранее было показано, что она должна иметь дедуктивную форму. С учетом этого требования возникает совершенно ясная картина.

Теория реального социализма будет представлять собой

последовательность нормативных теорий (моделей), каждая из которых будет отражать вполне определенный этап диалектического развертывания, разрешения основного противоречия реального социализма. Эта теория будет одновременно работать как "логический телескоп" и как "логический микроскоп". В качестве первого она позволит на много десятилетий вперед предвидеть существо и социально-экономическую форму предстоящих этапов коммунистического строительства. В качестве второго – представить содержание любого из этих этапов с той степенью конкретности и детальности, с какой это будет вызываться практическими потребностями строительства социализма.

Это именно та органичная форма, обретая которую, теория из средства объяснять мир превращается в средство изменять его.

Невозможность существования этой теории в традиционной форме пространных рассуждений очевидна. По поводу социализма написано так много, что на каждую строчку «Капитала» давно приходится увесистый том; тем не менее «Социал» так до сих пор и не создан. Конечно, это обстоятельство в известной мере отражает непонимание частью авторов теоретического существа проблемы. Но даже гений масштаба Маркса не сможет уместить теорию реального социализма, развитую с полнотой и детальностью «Капитала», ни в десять, ни в сто, ни в тысячу томов. «Капитал» – это введение в теорию всего-навсего одной социально-экономиче-

ской формы. Социализм, начиная с этапа превращения общественной науки в производительную силу – это последовательная стремительная смена все более усложняющихся социально-экономических форм, каждая из которых не менее сложна, чем форма капитала.

*Подобная теория, служащая средством сознательно-го преобразования общественного бытия, скорее должна быть заключена в совершенно непривычную для сегодняшних теоретиков форму, отдаленным прообразом которой могут служить **системы автоматизированного проектирования, конфигурационного управления, концептуальные автоматизированные базы данных и т. п.***

*Превращение общественной науки в непосредственную производительную силу и означает создание подобных **специальных средств социального проектирования.***

1985.07.05

{Из черновиков С. Платонова}

Происходящий на протяжении «предыстории» естествен-ноисторический процесс образования из "дочеловеческой природы" общественно-природных производительных сил есть процесс возникновения – на базисе совокупности различных природных форм движения – трех качественно новых форм движения "социальной материи".

Энергия есть качественно-определенное отношение между различными формами природного движения, используемыми в качестве «сил» в рамках технологии.³

Соответственно, в рамках организации существует *информация* как новое качественно-определенное отношение на множестве различных форм энергии.

Наконец, в рамках экономики возникает и расширенно воспроизводится *стоимость* – новая качественная определенность, новое отношение, элементарными кирпичиками-элементами для которого служат различные формы информации.

Рост производимой обществом стоимости означает в конечном счете увеличение количества и разнообразия форм

---

³ Само понятие «энергия» возникло в связи с задачами типа установления механического эквивалента тепла. Считать «энергию» чем-то присущим природе самой по себе безотносительно к человеку – технократический вариант антропоморфизма.

движения природы, превращаемых в общественные производительные силы. Информация и энергия при этом опосредуют экономику и природу: никому пока не удавалось непосредственно превратить стоимость в потребляемый предмет природы (услугу или же товар), не соотнеся ее предварительно с величиной энергии, определяемой технологией их производства, – величиной, закодированной в информации в виде знаков на монетах или купюрах.

Отчуждение, собственно, состоит в том, что человек, не познавший законов, управляющих движением стоимости, информации и энергии, сам является на протяжении всей предыстории лишь их рабом, агентом, песчинкой, включенной в их круговорот. В составе технологии человек играет малопочтенную роль лошади в чигире – роль производителя мышечной энергии. Однако, хотя современное общество, далеко еще не избавившее человека от этой первобытной доли, склонно окружать романтическим ореолом фигуры инженера и банкира – они оба не более чем агенты процессов производства информации и стоимости, порабощенные чуждыми силами организационных и экономических законов.

Познать эти законы – значит осуществить их *редукцию*, сведение к законам предыдущего, нижележащего уровня, подобно тому, как законы термодинамики, определяющие температуру газа, были сведены к законам статистической механики, определяющим скорость движения молекул.

Уничтожить отчуждение – значит осуществить по-

добную «редукцию» на практике. Место стихийного эфира экономических отношений, который заполняет промежуток между организациями, осуществляя таинство самовозрастания стоимости, должна занять организация, занятая обработкой и производством нормативной информации, причем, делающая это таким образом, что в объединяемом ею хозяйственном механизме производимый каждой из единиц прибавочный продукт не только не пропадает, но и в целом расширенно воспроизводится. В результате экономисты исчезают вместе с экономикой, а все народное хозяйство превращается в единую организацию, которая, однако, "каким-то чудом" обеспечивает уже не простое (как положено нормальной организации), а расширенное воспроизводство.

Часть 1. Проект

Корпоратизм! Хоть слово дико, но нам ласкает слух оно...

Выступление Сергея Чернышева на круглом столе «Россия-2008: оправдана ли ставка на корпорацию?»⁴

20 сентября 2006 г.

Коллеги, сегодняшняя встреча задумана как домашняя. Прессу и других "властителей дум" мы почти не приглашали, за исключением друзей. Поэтому, пожалуйста, попытайтесь чувствовать себя свободно, несмотря на официозность того помещения, в котором мы находимся.

Поскольку я занимаюсь темой корпораций тридцать лет, попытка отчитаться о результатах работы за тридцать минут предприниматься не будет. Меня попросили выступить на заданную тему. Предлагаемые соображения очень конкретны, они будут содержать по возможности обоснованный ответ на заданный вопрос: оправдана ли ставка на корпорацию в 2008 году? Хотя способ получения этого ответа может показаться неожиданным.

Как вы знаете, в шахматах теория дебюта разработана во многих началах партии примерно до пятнадцатого хода. Поэтому, когда вы играете с гроссмейстером, то первые пятнадцать ходов он только имитирует внимательный взгляд в вашу сторону, раздумья и т. п. На самом деле он на автомате разыгрывает те или иные варианты. Поэтому хотел бы, чтобы несколько первых шагов, которые обычно и привлекают внимание, – содержат проклятия, призывы, шутки, прибаутки и так далее, – прошли как можно быстрее. Заранее приготовленный раздаточный материал содержит все это, там пунктирно обозначен исходный круг вопросов.

Всякое общество – а российское в особенности – ужасно расколото. Мы изначально разделены по принципу «мужчины/женщины». И уже в силу этого я не могу быть беспристрастным, поскольку буду справедливо заподозрен в причастности к одному из этих вечно враждующих и взаимно нуждающихся лагерей. Хотелось бы найти позицию, в которой меня нельзя бы было заранее заподозрить в пристрастности. Сегодня речь пойдет о корпорации, и как бы я ни старался, все будут подозревать, что я – за корпорацию, либо против, хотя это совсем не так...

Второе фундаментальное разделение – верующие/атеисты. Сколько бы мы ни говорили о том, что вера с точки зрения атеистов – это глубинное неверие в силы человека, или что атеизм с точки зрения веры – весьма примитивный вариант суеверия, – это останется фундаментальным разделом.

Надеюсь, вам ничего о моей профессиональной принадлежности не известно; постараюсь сохранить и эту границу не перейденной до конца.

Как вы знаете, верующие, приступая к серьезному вопросу, обычно предпочитают помолиться, а атеисты – выпить чего-нибудь крепкого, к примеру, кофе. Но внутри этой комнаты наши возможности ограничены, поэтому я предлагаю вам медитацию, что приемлемо для тех и для других. Продекламирую восемь строчек поэта, находившегося на склоне лет и в силу этого не пытавшегося ничего сказать от себя лично. Тридцать лет назад я выбрал их эпитафией к своему диплому. Произнесу их для того, чтобы настроиться на важность темы, без интонаций и без эмоций – как и предполагает медитирование.

*Когда вступают в спор природа и словарь
И слово силится отвлечься от явлений,
Как слепок от лица, как цвет от светотени, —
Я нищий или царь? Коса или косарь?
Но миру своему я не дарил имен:
Адам косил камыши, а я плету корзину.
Коса, косарь и царь, я нищ наполовину,
От самого себя еще не отделен.*

Всякий шаг человека вперед – это шаг отделения от самого себя прежнего, шаг к возвращению обновлённым. С учётом этого скажу несколько слов о корпорации.

Мне неизвестно, делает ли в России кто-то ставку на корпорацию. Так откуда же ноги растут у нашей темы? Приведу цитату, обнаруженную на официальном сайте Президента:

«...Так называемое расширенное правительство, то есть Федеральное правительство плюс губернаторский корпус, который представлен в этом зале, должны работать более четко, более эффективно – как единая корпорация».

Слово «эффективно» встречается в коротком отрывке еще дважды. Из этого ясно, что Путин, говоря о корпорации, бесхитростно употребляет это слово как созвучное слову «эффективность».

Некоторое время назад в популярных изданиях публиковались, а затем обильно цитировались и обмусоливались разнообразные проклятия в адрес того разворота событий, который имеет место в стране.

Нашему царю показали фигу

Сображдане! Нашему царю показали фигу. Правда, как принято у нас, внутрикарманную. Точнее, от него ушли с высоко поднятой фигурой (насколько позволил карман), хлопнув отсутствующей дверью (в которую до того долго ломались). А его царство заклеямили позорной кликухой *корпоративизм*.

Что тут кажется самым зловещим? Это вот самое «ви-». Вы ведь, надо полагать, не слышали ни про

«либерализм», ни про «консерватизм». Неспроста, неспроста...

Правда, власть наша, больная застарелым пофигизмом, в ответ на демарш не дрогнула ухом. И тогда клеймителю пришлось перейти к тотальному медиа-террору: наябедничать самому Венедиктову.

Венедиктов извивался как канат, силясь кинуть спасительный конец фигодержателю. В конце концов, отчаявшись, он так прямо и спросил: «А как вы понимаете, что такое корпоративное государство, к которому движется Россия, и которому, видимо, Владимир Владимирович симпатизирует?»

В ответ понеслось не раздельное никаким членом. Что имеется-де модная модель высоколиквидного государства, которую *«можно было назвать открытым акционерным обществом, где пакет акций есть у каждого гражданина, и он реализует свою собственность на это государство с помощью голосования, своим пакетом, своим одним голосом»*. И есть, с отвратной стороны, скверно продающееся *«корпоративистское государство, где государство начинает выполнять, удовлетворять цели и интересы не граждан или, по крайней мере, не подавляющего большинства граждан страны, а нескольких корпораций, или одной корпорации, которые оказывают несопоставимо большее воздействие на принятие решений»*. Во.

Читатель, ты тут не один невъездной. Ну как вообразить акционерное общество размером даже

не со страну, а хотя бы с РАО ЕЭС, при этом без малейших признаков правления, совета директоров, многоярусного менеджмента и десятка-другого внутренних корпораций типа ОГК и ФСК? И чтоб ни у кого из граждан не оказался по случаю пакет в один с гаком процент голосов вместо одинокого голоса? Да чтобы часть таких злокозненных акционеров не окопалась в правлении?

Видимо, для фигоносца «корпоративизм» – не более чем иррациональное ругательство. Сука-любовь. Корпорация-Россия.

В реальности у нас правит ЛКПР – либерально-консервативная партия, которая равноудалена и от подлинного либерализма, и от подлинного корпоратизма...

Из неопубликованного

Россия – страна контрастов, тут на каждом углу можно встретить человекообразные создания, у которых верх вроде бы во фраке с бабочкой и с виртуальным ромбиком МВА, но дальше резко начинается волосатая грудь неандертальца, переходящая в чешуйчато-хордово-кишечнополостное тело, а низ – уже от растений, причем – не при женщинах будет сказано – не покрыто-, а голосеменных. Тут нечего обсуждать. К сожалению, все мы пребываем в бездне безграмотности, там же пребываю и я; просто тридцати лет занятий этим конкретным предметом – корпорацией – хватило, чтобы понять, как много я не знаю и не понимаю.

Поэтому, сталкиваясь с глубокомысленными суждениями о том, что наше общество якобы корпоративно либо не очень, что это плохо или наоборот, – понимаешь, что это проблема не политической ориентации, не этики, эстетики, веры. В ранние годы советской власти сосуществовали две значимые организации: одна называлась ЧеКВОЛап, другая – Ликбез. Первая уже забыта, она свою миссию выполнила – Чрезвычайная комиссия по валяной обуви и лаптям. Вторая, похоже, была распущена преждевременно.

Проблема, на которую мы сразу же налетаем – ликвидация безграмотности в вопросе о корпорациях; всё остальное из ее решения воспоследует. При чем здесь организатор этого круглого стола, Русский институт, в штате коего я состою со времен основания? Вот цитата из известной книжки Дэниела Белла «Грядущее постиндустриальное общество»:

«Современная производственная корпорация утратила многие черты, присущие традиционному капиталистическому предприятию, но, не имея нового морального основания, она сохраняет старую идеологию и запутывается в ней.

Несчастно общество, у которого не хватает слов для описания происходящего».

По этому же поводу – несколько отрывков из скрытой полемики, обмена трэш-файлами с Глебом Павловским десятилетней давности, позднее самоизданной под названием «К возобновлению русского».

Западный мир развил и нюансировал тончайшую цивилизацию, самые трудности и задачи которой мы чаще всего не способны оценить, даже зная о них понаслышке. И если мы не освоим эту среду – не только овладеем технологически ее инструментарием, но и с понятием, каков смысл, дух, цели его владельцев – дополнив им духовно осознанное *наше* – они обратят нас в собственное продолжение, дополнятся и продлятся в наших детях.

Здесь несколько вопросов, из них центральный для меня – язык русской цивилизации, ставший неадекватным мировым вызовам.

Русское как язык культуры строится по поводу иных языков и иных миров. Он требует высокой значимости чуждого и другого, он одержим этой значимостью.

По своей природе, от Пушкина еще, он нуждается в “немце” и “французе” – в первичном веществе чужого-другого-(иног?), в котором русский(-ое) и свивает гнездо. Для России Фронтир значит, пожалуй, еще больше, чем для Америки: Россия как цивилизация и есть фронтир, ничего помимо. (Или, по Гэфтеру, “Россия – явление непосредственно мировое”)

...Но с 1917-го (а с 1927 подчистую) поток чужого первичного был прерван – впервые после Пушкина. Обычную цивилизацию это бы только затормозило – Россию поразило в пяту. Ибо, чтобы существовать, она вынуждена была *придумывать мир вовне – придумывая далее себя по поводу выдуманного мира.*

* * *

Русский навсегда останется языком великой культуры, и в этом качестве ему ничто не угрожает... Однако обсуждение на русском языке современных проблем к концу тысячелетия стало практически невозможным.

Еще в 1949 г. один из знаменитых русских изгнанников, чувствуя, как немеет язык, успел выговорить, что родная речь изменяет, перестает быть тем, “чем был для Тургенева русский язык, уже не целительный для нас с тех пор, как мы узнали всю ту меру или безмерность лжи, какую он способен нести в мир”.

Но ядом этой лжи в первую очередь было отравлено обществознание – специализированный раздел языка, служащий обществу для самоописания.

Потеря самосознания – обморок культуры.

Русский Мир может скончаться, не приходя в самосознание.

Русский текст рассыпается, поскольку разорван русский смысл.

Освободившись от тоталитарного льда, стихия родной речи, казалось, привольно зашумела и забурилась, как встарь, – на полотнах Айвазовского. Но вода оказалась кипяченой. Умные рыбы ушли из нее. И ловцы тщетно закидывали невод – приходил он с публицистической пеной. Квинтэссенция гласно-

перестроечной проблематики: Какая дорога ведет туда, где пышнее пироги?..

Новейший пиджен-рашен страдает наихудшим видом гёделевской неполноты: не содержит выразительных средств, чтобы поставить основные русские проблемы. А те, что хоть как-то формулируются, не имеют в нем решения. “Постперестроечное” русское самосознание корчится, безъязыкое, хотя его смысловые узлы вполне определились. И тут не обойтись одним заимствованием иноязычных терминов. Грядет ли шишковское “хорошилище”, шагает ли пушкинский франт, – спор о России топчется на месте.

Возобновление русской речи – удел не столько мыслителей, сколько строителей, выпускников нового Русского университета, “гуманитарного физтеха” третьего тысячелетия, который предстоит создать еще во втором.

Г. Павловский, С. Чернышёв. К возобновлению русского. 1996 г.

У нас возникают тяжёлые проблемы с русским языком при всякой серьёзной попытке решения политических, экономических, хозяйственных и вообще реальных проблем, поскольку, несмотря на все его культурно-художественное величие, он фундаментально неполон и противоречив во всем, что касается устройства современного общества.

У русского языка налицо хронические проблемы и с термином «корпорация». Чтобы вы не подумали, будто цитата из полемики десятилетней давности влечёт в какие-то

филологические бездны, напомним новейшую историю одного из этапов схватки корпорации «Ренова» с другими олигархическими структурами по поводу «Корпорации ВСМПО-Ависма».

«Бизнесменам мешает русский язык

Корпорации ВСМПО-Ависма предъявили претензии по части русского языка

На прошлой неделе в конфликте между совладельцами ОАО «Корпорация ВСМПО-Ависма» и группой компаний «Ренова» появилась оригинальная деталь. Один из миноритарных акционеров ВСМПО, Андрей Лазарев, подал иск вначале в Пресненский районный суд г. Москвы, потом в Московский арбитражный суд. Предмет иска – присутствие в названии ОАО заимствованного из латыни посредством немецкого и французского языков слова «корпорация»...

В прошлом году группа компаний «Ренова», принадлежащая предпринимателям Виктору Вексельбергу и Леонарду Блаватнику (на тот момент она владела 12 % бумаг ВСМПО), заключила трастовое соглашение с совладельцами ОАО «ВСМПО» и ОАО «Ависма» Вячеславом Брештом и Владиславом Тетюхиным (имевшими по 30 % акций ВСМПО каждый). По нему любой из партнеров по титановому бизнесу мог предложить другим выкупить свой пакет за

определенную цену и в случае их несогласия по той же стоимости приобрести их доли («русская рулетка»). В марте «Ренова» запустила рулетку, этим летом господа Брешт и Тетюхин за 146 млн долл. выкупили ее пакет – 13,4 % в объединенной компании ОАО «Корпорация ВСМПО-Ависма» (слияние состоялось летом этого года). Однако в группе «Ренова» уверены, что покупка совершена на средства, привлеченные под залог их акций, то есть банкирам обещали после завершения сделки продать в руки заемщиков 13,4 % акций титанового холдинга. На такой способ привлечения средств трастовое соглашение накладывало запрет... В настоящее время 70 % акций ВСМПО-Ависмы арестованы по иску «Реновы», разбирательство истории привлечения средств на выкуп 13,4 %-ного пакета продолжается. Теперь оно усугубилось еще одним иском.

На первый взгляд, претензии Андрея Лазарева касаются вопроса, иностранное ли слово «корпорация». Во всяком случае пресса, получившая текст иска, восприняла его именно таким образом, а г-н Лазарев в своих комментариях журналистам отмечал, что нашел это слово в словаре иностранных слов и только тогда принял решение возмутиться неправомерным использованием «заимствованного из иностранных языков слова» в названии российской компании.

Однако при ближайшем рассмотрении текста закона можно понять, что к вопросам заимствований название ОАО «Корпорация ВСМПО-Ависма» отношения не

имеет. Согласно п. 1 ст. 4 ФЗ «Об акционерных обществах», «общество должно иметь полное... фирменное наименование на русском языке». Истцы в своем заявлении ссылаются на абз. 3 этого пункта: «... Фирменное наименование общества на русском языке не может содержать иные термины и аббревиатуры, отражающие его организационно-правовую форму, в том числе заимствованные из иностранных языков...». То есть, к какому языковому пласту принадлежит слово, дело второе. Первостепенную важность имеет тот факт, что слово «корпорация» отражает организационно-правовую форму компании. Или не отражает.

Собственно, русскими наименованиями организационно-правовой формы считаются слова «открытое акционерное общество» и «закрытое акционерное общество» (или, в сокращении, ОАО и ЗАО). Иностранные аналоги предусматривают слова Limited (Ltd), Incorporated (Inc.), Corporation (Corp.), Joint Stock Venture (JSV), сокращения S. A. (в странах Европы), Plc и Llc (британская практика) и им подобные. Текст закона предполагает, что никакие указывающие на организационно-правовую форму (в том числе и вышеперечисленные иностранные) слова и сокращения, кроме ОАО и ЗАО, не должны входить в фирменное наименование российской компании. Таким образом, чтобы выяснить, имеет ли претензия г-на Лазарева под собой хоть какие-то основания, нужно определить, означает слово «корпорация» организационно-правовую форму или нет.

Дело в том, что английское слово corporation и русское «корпорация» не идентичны. «Корпорация» пришла в русский язык очень давно (по оценкам специалистов филологического факультета МГУ им. Ломоносова, в конце XVIII века или, по другим источникам, в первой трети XIX века) сразу через два языка – немецкий и французский. Французское corporation имело более широкое значение, чем немецкое Korporation («студенческий союз»). В свою очередь, французы и немцы заимствовали это слово из латыни, где оно имело форму «corporatio». Англичане взяли свое corporation также из латыни, то есть с точки зрения этимологии корень у рассматриваемых слов одинаков. Но с точки зрения современного языка это разные слова и разные корни. «Корпорация» вошла в словоизменение русского языка (то есть склоняется по первому типу для слов женского рода с мягким окончанием основы), вошло в ряд существительных на – ация (операция, интеграция, левитация), присутствует в словарях русского языка начиная со словаря Ушакова. Поскольку формальным признаком вхождения слова в состав русского языка является включение его в нормативные словари, то слово «корпорация» имеет полное право называться русским. К английскому corporation оно не имеет в современном языке отношения и с точки зрения истории языка происходит не от этого слова. Поэтому довод истцов, гласящий, что «корпорация» является термином организационно-правовой формы,

представляющим собой заимствованное слово, никакой силы не имеет.

А вот означает ли «корпорация» организационно-правовую форму в русском языке, сказать однозначно нельзя: утвержденного перечня наименований таких форм найти не удалось, да и вряд ли такой список существует. Никому до сих пор и в голову не приходило задумываться о таком толковании закона об АО. Между тем многие российские компании имеют слова «корпорация», «компания», «фирма» в своем наименовании: в металлургической отрасли можно вспомнить Уральскую горно-металлургическую компанию и Сибирско-Уральскую алюминиевую компанию, в самолетостроительной – ОАО «Научно-производственная корпорация «Иркут», в химической – ОАО «Агропромышленная корпорация «Азот».

Юридическая компания «Джон Тайнер и партнеры», представляющая интересы Андрея Лазарева по этому делу, утверждает, что термин «корпорация» может применяться только в случае «государственных корпораций», создаваемых на основе ст. 7.1 ФЗ «О некоммерческих организациях». Однако русисты МГУ отмечают, что «в настоящее время основное значение слова «корпорация» – «замкнутое профессиональное, сословное или коммерческое объединение» и ни с какой определенной организационно-правовой формой оно не ассоциируется, как и, например, слово «фирма».

Впрочем, в российской практике филологическая экспертиза (как и любая другая гуманитарная, не

имеющая четких формальных, понятных рядовым членам общества критериев оценки) может быть сформулирована так, как угодно заказчику. Вовсе необязательно, что так и произойдет в данном случае, но прецеденты многочисленны. Поэтому прогнозировать решение суда почти невозможно. Скорее всего, оно будет зависеть не от действительного значения слова «корпорация», а от других, более материальных причин.

Очевидной целью иска может быть задержка размещения акций титановой компании на западных фондовых рынках...»

Мария Молина, RBC daily, 31.10.2005

(См. полный текст: http://www.rbcdaily.ru/editor_col/index.shtml?2005/10/31/211123)

Разъясняя, откуда взялось в русском языке слово «корпорация», эксперты ответчика проделали за нас с Павловским значительную часть работы. За дальнейшим развитием тяжбы я не следил, не знаю, что решил суд. На деле этот великий лингвистический диспут так же далек от филологии, как дискуссия по языкознанию последних лет жизни Сталина, в которой участвовал академик Марр и другие официальные лингвисты. Но в этой истории во всей красе на очень конкретном примере видно: когда мы говорим о том, что русский язык создает фундаментальные проблемы для хозяйственной деятельности, это никакая не философия, не филология, не методология – это просто жизнь.

Корпоратизм до последнего времени был бранным словом, в значительной степени является им и поныне. В лекции десятилетней давности для студентов «Вышки» я ссылаясь на пятитомную политологическую энциклопедию под редакцией Сеймура Липсета, с которым в свое время мне выпала незаслуженная честь побеседовать, в том числе не только о демократии, но и о корпорации. Подтверждаю, что в тот период его трудно было заподозрить в принадлежности к тому или иному крылу Партии Жизни. Автор статьи «Корпоратизм» в этой энциклопедии – Шмиттер, тоже заслуживающий доверия учёный, весьма известный и у нас. Поэтому хотел бы ответственность за наиболее важные утверждения переложить на Шмиттера.

Корпоратизм как бранное слово

В начале статьи Шмиттер, в согласии со святцами, пишет, что в послевоенной либеральной политологии под корпоратизмом понималась нехорошая идеология и тлетворные тенденции, которые проявлялись в некоторых тоталитарных государствах между двумя мировой войнами. Там все население было разбито на корпорации, частные интересы при этом поглощались корпоративными. Теоретики фашизма писали о сословно-корпоративном государстве как идеале. Короче: ни тебе демократии, ни прав человека. Потом внезапно в этой статье автор делает странный

поворот и говорит, что в последние годы в западных демократиях корпоратизм как тенденция стал повсеместно прорастать и развиваться. И тут-то выясняется, что это явление вовсе не такое однозначное, а где-то даже полезное.

Оказалось, что западные теоретики, апологеты независимого индивида и демократии, уже собственным умом доходят (хотя бы на уровне определений) до того, что корпоратизм – это явление как минимум двойственное. Одним словом, если кое-где порой в истории и случались нехорошие проявления чуждого нам, занесённого восточным ветром корпоратизма, то теперь у нас самих расцветает самобытно-западный, кондово-посконно-сермяжный, либеральный, политкорректный корпоратизм.

Выяснилось, что корпоратизм теперь присущ целому ряду обществ Северной Европы, например, Финляндии, Швеции, Норвегии, многим странам Латинской Америки, Австралии, а если хорошенечко копнуть – кое в чем уже и Соединенным Штатам. Короче, Россия – родина слонов, Америка – корпоратизма.

Автоцитата из лекции в Высшей школе экономики, 1997 г.

Таким образом, люди, употребляющие слово «корпорация» как бранное, если бы их можно было склонить к чтению энциклопедии, к своему изумлению обнаружили бы, что, оказывается, корпоратизм присущ целому ряду обществ Северной Европы, что социальная ткань общества глубоко про-

низана корпоративными отношениями также в Австралии, Бельгии, Дании, ФРГ, Нидерландах – я цитирую ту же энциклопедию. Родимые пятна корпоратизма замечены в Португалии и Испании... И только в Великобритании, Италии, Франции, Канаде и Соединенных Штатах его распространение началось, но вроде бы пока приостановлено.

Итак, эта зараза присуща не только нам. Она расползается по современному миру, причем довольно давно. Что в значительной степени ослабляет потенциал ругательства – как конкретного ругательства, применяемого именно в России, именно сейчас и именно по отношению к текущей администрации.

По этому же поводу у меня была реплика на заседании клуба «Красная площадь» в апреле нынешнего года.

Корпоратизм: перекуём скальпели на компасы

25 апреля 2006 г.

Перед нами естественная человеческая коллизия, с виду простая. Грядёт новый уклад. Назовите его хоть корпоративным, хоть серо-буро-малиновым. А на его магистральном пути враскорячку торчу я. У меня совершенно другой этос. Я из другого мира. Надо понять: в каком бы укладе мы ни жили, любой иной при мысли о нём как о ПМЖ предстаёт кошмаром...

Реакция на иной уклад жизни всегда обострённо-

враждебная. Но не торопимся ли мы с поисками места корпораций на шкале добра и зла?

...Сошлюсь на несколько канонических текстов, где корпорация рассматривается как светлое будущее, исторически неизбежное, пусть и противоречивое.

Простейший пример – Дюркгейм, его классический труд «О разделении общественного труда». Там он прямо формулирует тезис, что корпорация станет базовым социальным институтом будущего. Только, конечно, под корпорацией, как он утверждает, надо понимать не то, что было в прошлом, не то, о чем Вебер пишет в работе о средневековом городе-корпорации, а нечто иное, новое. Он пытается, как может, объяснить, с чем его едят, но получается не слишком съедобно. Это некое возвращение-обновление, то есть *возобновление*, у которого есть меты отвергнутого-старого и черты пугающего-нового. Две страшилки в одном флаконе.

И есть известная брошюра 1923 года о Новом Средневековье, что принесла Бердяеву мгновенную мировую известность. Там он, часто поминая корпорации, «приветствует звоном щита» грядущий, влекущий, жестокий мир. Конечно, задним числом можно указать, что некоторые его предвидения весьма своеобразно осуществились при фашизме. Но у Бердяева это очень оптимистичная брошюра, где он объясняет, сколь прекрасен и богат мир обновлённого Средневековья. Мир, в котором личность как бы растворяется в новых корпоративных субъектах – но это растворение, как ни парадоксально, приводит

не к разложению личности, а к обогащению, возобновлению высокой духовности. Средневековые для обывательского сознания – мир, лишённый наук и коммунальных удобств, где никто не мылся в бане, все ожесточенно чесались и рыгали, холопам кидали объедки, ведьм жгли на кострах... Тем не менее, высокая духовность была налицо. Сейчас она увяла, несмотря на изобилие моющих средств.

Почему же, спросим себя, эти уважаемые и, видимо, неглупые люди усматривали в грядущем веке корпораций нечто позитивное, прогрессивное и светлое?

...Каждый из нас дожил до реализации тех или иных предвидений и концепций.

Хорошо помню, как 12 апреля 1961 года шёл в школу Эльдоратовскими переулками (ныне улица Красноармейская), а в небе кружил вертолёт, и вдруг оттуда западали листовки. Я их подбирал, читал: «Да здравствует Советский народ!», «Слава Коммунистической партии!». Это был по-своему очень светлый мир октября, пионеров и космонавтов. А через 30 лет я брёл по Москве в вонючем дыму: горели свалки, потому что никто не вывозил мусор во дворах, не убирал снег с тротуаров, и дорога домой шла по скользким буграм. У соседнего подъезда в разборке застрелили бандита. Рядом на 2-й Владимирской зимней ночью взорвали квартиру коммерсанта, мимоходом разрушили шесть соседних... Если бы в семидесятые я только мог представить себе

этот новый мир, то по примеру героя Стругацких схватился бы за скальпель... Но это ещё не повод поставить под сомнение сами концепты либерализма и демократии.

Всякий Brave New World в своих ранних проявлениях дает дожившим больше оснований для пессимизма, чем для оптимизма. Дюркгейм надломился и умер, когда свободные граждане будущего Евросоюза, построившись свиньёй, принялись четыре года кряду перемалывать себя в фарш. Бердяев дожил до российской материализации того типа социума, что в пятитомной энциклопедии Липсета корректно именуется «коммунитаризмом». Он насмотрелся.

Давайте перекуём скальпели на компасы и поищем иных исторических ориентиров помимо гнева и пристрастия.

(См. полный текст: <http://yk1.ru/publications>).

Всякий новый уклад в ранних проявлениях ужасает. Это ровным счетом ничего не говорит о том, является ли он рецидивом далекого прошлого или проблеском прогрессивного будущего. Это говорит лишь о том, что мы там не прописаны («Алиса там не живет» – то ли уже, то ли еще). И потому этот страшный, чуждый нам мир говорит нашими устами более о нас, чем о себе.

Наконец, вспомню грубо упрощенную картинку из лекции для студентов первого курса Высшей школы экономики – тоже десятилетней давности.

Метакорпорации в архаической оболочке

Возвращаясь к вопросу о массовом прорыве идеократических и корпоративных субъектов в современное общество между первой и второй мировыми войнами, можно сказать: с этой же точки зрения следует рассматривать и постоянные попытки публицистов учинить нравственный суд над большевизмом, фашизмом, германским нацизмом или японским милитаризмом. Это была первая манифестация, революционный десант целого ряда структур далекого будущего, которые попали в неподготовленное к ним общество и были использованы для манипулирования непросветленными массами. Эти структуры оказались в руках людей, либо просто невменяемых, не осознающих, с чем они имеют дело, либо богооставленных, лишенных дара причастности к трансцендентным инвариантам. Никому не возбраняется высказывать личное и групповое мнение об этих людях. Однако сами по себе формы деятельности и социальные структуры не бывают ни плохими, ни хорошими. Анекдотично выглядела бы попытка римского Сената осудить грядущий феодализм – хотя приход последнего вылился в целую эпоху массового одичания и социальных катастроф.

Если к дикарям попадают автоматы АКМ, они,

естественно, могут пойти охотиться и настрелять дичи для голодающего племени, но могут и свергнуть вождя, перебив множество соплеменников. Но действует тут дикарь, а не автомат. Более интересен вопрос о том, каким образом автомат оказывается в обществе, в котором ему вроде бы не место?

А вот другая, химическая аналогия. Предположим, у вас имеется один атом, который своими электронными оболочками нащупывает вокруг другие для того, чтобы выстроить целостную структуру; но тех, что надо, рядом нет, зато есть сходные, с той же валентностью. Допустим, нет брома, есть только другие галогены: фтор или хлор. Если заменить бром на хлор, то с точки зрения химии мы не сделаем ничего плохого, это совершенно сходные вещества. Только вот вместо успокоительного мы получим яд.

Нечто похожее происходит, когда новые структуры попадают в старый социум, в котором им не хватает социального материала для того, чтобы замкнуть свои связи в целостность. Например, отсутствует тип личности, необходимый в массовом количестве для работы в современных предпринимательских корпорациях. Тогда эти структуры начинают использовать архаические прообразы нужных компонент, и возникают жуткие монстры. Монструозностью такого рода, кстати, веет от всей утопической и части фантастической литературы: воображения авторов не хватает на целостный образ нового мира, и они насильственно впихивают одну-

две любимых идеи в тело ветхого, совершенно к тому непригодного общества.

Автоцитата из лекции в Высшей школе экономики, 1997 г.

Когда мы рассматриваем современные общества, нужно понимать, что нас угораздило попасть в эпоху чудовищных монстров, где произошел прорыв обществ нового типа сквозь метаисторическую твердь. В каждом из неожиданных гостей были десанты и плацдармы из очень далекого будущего, за неимением исторического материала дополнившие, достроившие себя «из того что было», из древних, примитивных, архаических укладов. Именно подобные подмены привели к кошмарам периода двух мировых войн и к нашей резкой эмоциональной реакции на эти архаико-футуристические прорывы.

Это утверждение применимо не только к нашей многострадальной стране, но и к Италии, Германии, Японии. Это в полной мере применимо и к рузвельтовской революции 1930-х – хотя по ряду причин в Соединенных Штатах она приобрела внешне куда более пристойные формы.

Собственно, всё предшествующее было затянувшимся вступлением, построенным на цитатах и автоцитатах. Теперь плавно переходим к краткому сообщению.

Итак, Шмиттер утверждает, что в 1974 году представители нескольких дисциплин из разных стран мира практически одновременно обратились к понятию «корпоратизм». Поэтому наша мода, как водится, слегка припоздала, кон-

кретно – на 32 года. Тогда же, в 1970-х, было обнаружено, что этот проклятуший «корпоратизм» распространен во многих странах, о которых я уже сказал.

Корпоратизм, цитирую Шмиттера, определяли и как идеологию, и как разновидность политической культуры, государственного устройства, и как форму организации экономики, и даже как особый тип общества. Я ещё застал шлейф этого явления. Лет десять назад вышла книжка Ховарда Виарды, специалиста по третьему миру, «*Corporatism: another great Ism*». В ней автор развивает точку зрения, что есть три великие типа обществ – либерализм, коммунитаризм (опять-таки использую название из энциклопедии Липсета, чтобы не травмировать ничьи чувства) и корпоратизм. Это мысль № 1.

Мысль № 2 того же Шмиттера: так называемый неокорпоратистский подход не является чем-то особенным и уникальным. Автор включает его – прозорливо, надо отдать должное – в широкий класс подходов, известных под названием «институционализм». Суть этого подхода состоит в следующем: в концептуальном пространстве между «человеком» и «обществом» были обнаружены посредники – загадочные, коварные *институты*, устойчивые матрицы коллективного поведения. «Институты» в середине прошлого века впервые привлекли внимание не только обществоведов-теоретиков, но и практиков.

Сегодня уже проклёвывается институциональная пози-

ция: корпорация – один из загадочных институтов, затесавшихся между человеком как таковым и обществом как таковым. И то ли помогает, то ли мешает – но при этом неизбежно создает трансакционные издержки.

Эта позиция восходит к исторической статье Рональда Коуза «Природа фирмы». Он опубликовал ее в 1937-м и получил за нее Нобелевскую премию спустя полвека – сравнительно быстро, слава Богу, дожил старик. В этой замечательной статье Коуз ставит вопрос: почему вообще на свете существуют – не корпорации, он к этому подошел чуть позже – а фирмы, просто фирмы? С точки зрения господствовавшей тогда идеи относительно фундаментальной роли рынка, если её последовательно доводить до конца – никаких фирм не может быть в природе. Если вы вменяемый руководитель и вам нужны услуги технической поддержки – воспользуйтесь рыночным аутсорсингом, не обзаводитесь ради этого второй супругой в лице секретарши, не марайте трудовых книжек. Если вам вдруг понадобился продажник – законтрактуйте его на рынке строго на время проекта, не вешайте себе на шею громоздкий и прожорливый «Департамент продаж». Поставьте им конкретную задачу, но не заводите конторы, сидите себе дома, и пусть эти граждане, понукаемые балансом спроса и предложения, оптимальным путем на вас работают. Одним словом, ежели и впрямь невозможно экономить издержки ловчее, чем «невидимая рука», то, следовательно, любая фирма, обременённая уставом, штатным расписанием

и т. п. обречена на разорение, она попросту не имеет права на существование.

По этому поводу Коуз и размышлял в 1937 году. Напомню, при этом он открытым текстом ссылаясь на опыт советской России; не будучи ни коммунистом, ни социал-демократом, он отдавал должное фундаментализму ленинского замысла: сконструировать экономику целой страны как единую фирму. Он задавал вопрос: откуда берутся фирмы? Почему они до сих пор существуют? «Внутри фирмы рыночные трансакции устранены (Коуз уже употреблял слово «трансакции» как строгий термин, хотя придумал его не сам), а роль сложной рыночной структуры выполняет предприниматель-координатор, который и направляет производство. Очевидно, что это альтернативные метод координации производства. Когда производство направляется движением цен, оно может осуществляться вообще вне каких-либо организаций. В таком случае позволительно спросить: почему же все-таки существуют организации?» (Тот же самый вопрос, кстати, относится и к корпорациям, только тут дело обстоит ещё сложнее).

Основная причина, – пишет Коуз, – по которой создание фирмы рентабельно, состоит в том, что существуют издержки использования ценового механизма. Предприниматель может выполнять хозяйственные функции с меньшими издержками.

Прошу прощения за то, что вынужден цитировать такие

азбучные истины.

Оказалось, что такой институт, как фирма, загадочнейшим образом ухитряется быть эффективней рынка – чего никак не может быть по теории. Каким же образом? Ответ на это теперь понятен и известен. Предприниматель – это субъект, который снимает транзакционные издержки, конструируя устойчивые цепочки добавленной стоимости по контуру рыночных связей. Предприниматель берет собственность – свою или чужую – и встраивает её в цепочки добавленной стоимости таким образом, что она лучше капитализируется, начинает стоить больше.

Из этих двух банальностей следует небанальный вывод: стоимость всякой собственности – в частности, стоимость всякого бизнеса – находится «снаружи», а не «внутри». Поэтому я могу до полного остервенения экономить на внутренних издержках фирмы, кого-то увольнять, сокращать потери. Но поскольку стоимость моего бизнеса находится снаружи, эта похвальная деятельность относительно слабо может повлиять на рост капитализации, на управление стоимостью.

Проблема в том, что фирма – это не просто производственная единица за непрозрачным забором с надписью «моё». Фирма как актив – это система пронизывающих забор отношений между собственниками разнообразных предприятий, чьими продуктами я пользуюсь (правда, за некоторую плату), как если бы они были моими. Они и вправду могут

быть моими, если всех поставщиков и потребителей объединить в холдинг, и в этом холдинге между собственниками построить отношения пострыночного, надрыночного характера. Я выстраиваю цепочки отношений между, скажем, моим тракторным заводом и теми, кто поставляет ему запчасти, изготавливает трансмиссии и другие комплектующие, производит конструкторскую документацию, выковывает кадры, страхует, занимается регулированием и т. д. и т. п. И обстраивая свою собственность совокупностью таких отношений, выстраивая цепочки и сети, я как предприниматель ухитрюсь добиться эффекта, который с точки зрения рынка невозможен.

Аналогия прямая и очевидная: с точки зрения закона всемирного тяготения металлический самолет, конечно же, должен падать – а он летит. Летит по той причине, что самолет – это искусственное соединение нескольких природных сил таким образом, что одна сила подталкивает другую, науськивает ее на третью, опираясь при этом на четвертую. И в результате – летит.

По-видимому, корпорация находится в том же ряду явлений. И если мы хотим, чтобы корпорация делала нечто более эффективное, чем чудодейственный рынок или даже предприниматель, – я страшные слова говорю! – мы должны понять, как устроена система отношений между предпринимателями. Наверное, корпорация – это следующий фундаментальный послерыночный феномен. Уже предприниматель-

ская фирма, по Коузу, является послерыночным феноменом, который, конечно, опирается на рынок, возможен благодаря рынку – так же как самолет возможен благодаря воздуху и законам природы, в этом смысле он опирается на законы природы, летит, благодаря им, а не нарушает их. Они нужны, чтобы лететь. Но на одних законах не полетишь, нужен самолёт.

Сила рынка и законы рынка необходимы предпринимателю для построения фирмы. Тем не менее, как капитан парусника может, лавируя, плыть в любую сторону, в том числе и против ветра, точно так же предприниматель может идти против тенденций рынка, может зарабатывать и на падающем рынке, и на растущем, и на ползающем – на каком угодно. Именно потому, что он ведет себя не так, как простой покупатель-продавец.

Дальше мне придется делать одно за другим очень жесткие, бездоказательные утверждения, потому что времени на их обоснование в регламенте сегодняшнего мероприятия нет. Я буду просто их перечислять и пытаться помочь вашему воображению какими-то намеками на феномены культуры – чтобы было понятно, что это не моя личная позиция. Сегодня я до своей личной позиции не доберусь, она никому не должна быть интересна – да и мне тоже. Я просто буду излагать некоторую совокупность позиций, точек зрения, глубоко укорененных в культуре, которые, к сожалению, мы – и я тоже, как выпускник физтеха – значительную часть жизни

по темноте своей упустили.

Итак, предпринимательская фирма – это управление совокупной стоимостью ряда элементов производительных сил через использование институтов рынка. Стоимость бизнеса находится в этом смысле снаружи материального тела производственных фондов, и потому все активы, по определению, являются «невесомыми», «невидимыми» для взгляда, натасканного на недвижимость и основные фонды. Это не какое-то чудесное свойство отдельно взятых активов – это фундаментальное свойство любых. А то, что мы считаем их внутренней, весомой частью, – это бухгалтерская оценка стоимости чугуна и дуба, из которых они состоят.

Можно говорить о трех ступенях управления *производительностью* производительных сил.

Первая – это управление *капитализацией* производительных сил. Мера капитализации – *стоимость*.

Вторая, надстраиваемая над ней – управление *эффективностью*. Мера эффективности – *информация*.

И наконец, третья – управление их *мощностью*. Мера мощности – *энергия*.

Эта иерархия порождается тем обстоятельством, что слоеный пирог форм производства, мир присвоения человеком сил и веществ природы включает в себя, как известно, три этажа: производство, распределение и обмен.

Если говорить чуть подробнее, то превращение объекта природы в человеческую вещь, во-первых, включает фазы

добычи, обработки и производства орудий для обработки. Эти младшие классы человек как toolmaking animal проходит еще в традиционном обществе, в эпоху натурального хозяйства.

Во-вторых, силы специализации, кооперирования, разделения труда выходят на свет и осваиваются в древних распределительных городах-государствах – это исторические прообразы современных корпораций. Все произведенные продукты свозятся в храм-лабаз, там складировуются гигантские пифосы с зерном и оливковым маслом. Они берутся на учет согласно накладным клинописным табличкам, и уж потом частично раздаются работникам согласно квитанциям о трудоднях, отработанных на строительстве оросительных каналов и пирамид.

Третий пласт, обмен, включает прямой товарообмен, денежную торговлю и кредитование. Тут уж настают настоящие чудеса. Даже если нам в храмовых запасах попадается лишняя гайка, для которой нет болта, мы выстраиваем караваны купеческих судов, ярмарки, склады в Антверпене, биржи и банки – и в конечном счете ухитряемся-таки навинтить нашу гайку на чей-то заморский болт и выручить за нее деньги. Излишки и нехватки капитализируются!

Так вот, войдя в метаисторическое зазеркалье, мы начинаем учиться управлять буйством этих производительных сил, и проходим те же самые слои – но уже в обратном порядке. Сначала мы налетаем на мир обмена. Первое есте-

ственное желание человека, который хочет освободиться от спазмов и стихий рынка, – это желание напрямую управлять стоимостью своей собственности. Он думает: почему рынок диктует мне, что мой капитал упал или возрос, пока я отлучался из конторы? Я сам хочу решать, сколько он стоит! Но тогда я должен для начала разобраться со скачущей капитализацией. Начинается эпоха овладения тремя институтами рынка, и капитал, при всей его объемности – только первый из них. Тот, кто уже научился отличать Маркса-коммуниста от Маркса-институционалиста, помнит: для того, чтобы исчерпать проблематику капитала, он намеревался написать двадцать с лишним томов размером с первый том «Капитала» каждый. Но умер, не успев даже в черновиках выполнить эту работу на треть.

Грядущая вслед за этим эпоха новых корпораций – огромный мир, богатый и сложный, намного сложнее по разнообразию форм всего мира капиталистических обществ. Проблематика метакорпораций – это овладение тремя институтами: закона, власти, имущества.

Попытки обозреть это содержание здесь за пятнадцать минут были бы даже не смешны. Но можно очень грубо всю проблематику корпоративных обществ выразить одной фразой: это управление эффективностью производительных сил собственности.

Что такое эффективность? У меня есть корпорация-холдинг, т. е. много-много фирм. И в каждой сидят хитрые пред-

приниматели и наращивают капитализацию активов, вяжут проектные цепочки добавленной стоимости. А я должен как-то с этой кучей фирм и предпринимателей оптимальным образом обойтись. Задача очень проста: у меня имеются финансы, права, кадры, помещения, административные рычаги и много других корпоративных фондов. Я должен эффективно распределять и перераспределять эти дефицитные фонды между совокупностью вечно враждующих, ужасно хитрых, вертких, рефлексивных и уже во многом политтехнологичных предпринимателей.

В этом смысле, возвращаясь к тому, что сказал президент о корпорации, можно с ним согласиться. Точка зрения на корпорацию как на нечто, соразмерное государству, связанное с чиновниками, только и могущее обеспечить эффективность, – это в принципе правильный взгляд, где наивность здравого смысла, пройдя через несколько циклов усложнения и конкретизации, возвращается к сути дела.

Беда подстерегает нас вот где. Если мы не решили проблему управления капитализацией, совершенно бесполезно даже дергаться по поводу управления эффективностью. Если в основе корпорации лежат не профессиональные предпринимательские проекты, а отстойные бизнес-фирмы с неснятыми рыночными транзакциями, затратные конторы, бюджетные предприятия и прочий отстой, то невозможно над этим надстроить этаж управления эффективностью – на пустом месте, на трухе, на отсутствующем нижнем этаже.

Если в фундаменте корпораций не лежат фирмы, каждая из которых по установленному стандарту, долженствующему преподаваться на первом курсе института, управляет своей стоимостью, то, как бы мы ни старались воздвигнуть эффективный этаж корпорации, это чистая утопия. Добрые, честные, грамотные чиновники могут с утра до вечера заседать, разделять и соединять подразделения, делегировать и отнимать полномочия, строить вертикально интегрированные, матричные и прочие оргструктуры, но все это бесполезно – потому что в фундаменте здания зияет пустота.

К сожалению, проблема нашего общества не только и не столько в том, что оно не проходило фазу рынка. К чему приводит непрохождение фазы рынка? Когда предприниматель начинает строить новые цепочки добавленной стоимости, то выясняет, что собственники активов, включенные в эти цепочки, не ведут себя бизнесово. Предприниматель пытается строить цепочки, исходя из того, что люди соображают, в чем их выгода, понимают, что этот контракт – хорош, а этот – плох. Но, к сожалению, большинство управленцев в нашей несчастной стране не способно вести себя бизнесово, и в этом нам фундаментально не хватает школы рынка. Рынок для нас – это то, что должно проходиться по возможности в старших классах гимназии, самое позднее – на первых курсах института. Потому что дальше надо учить людей управлять стоимостью. Но трудно человеку управлять стоимостью, если он не поиграл в игру под названием «рынок».

Задачу Русского института я вижу и в том, чтобы ставить такие простейшие, элементарные вопросы, о которых никто не говорит и не пишет. А ведь уже сам факт необсуждения проблемы управления стоимостью приводит к тому, что все разговоры о корпорации оказываются в пользу бедных. Обзывать наше общество корпоративным столь же уместно, как величать вокзального бомжа олигархом или интеллектуалом.

Есть еще этаж стратегических проектов, о котором я предпочел бы не говорить вовсе. Стратегия – это следующий за корпорацией шаг. Если в обществе уже есть эффективные корпорации – частные, государственные, смешанные, открытые, закрытые, такие, сякие, серо-буро-малиновые, и каждая из которых научилась управлять своей эффективностью, только тогда и возникает предмет для стратегии. Лидеры общества могут и должны сказать: граждане, мы научились эффективно управлять нашим хозяйством, а вокруг – мир, решающий куда более интересные вопросы. Вот идет волна новых технологий – мы успеваем в нее вписаться? А здесь Европа и Азия через нас давно уже хотят проложить транзитный транспортный коридор – но мы гордо молчим, как задняя половинка бегемота. И вот еще: терроризм, демография, пандемии, глобальное потепление... Мы как-то всем этим будем заниматься?

Только на стратегическом уровне общество имеет возможность заметить окружающий мир – как в плане того, что

мы не одни на этом свете, так и в плане того, что в мире что-то течет и меняется.

Но коль скоро у нас нет эффективных корпораций, довольно бесполезно все это обсуждать. Приведу пример. Пятнадцать лет назад, в пору начала проекта «Иное», в кабинете вице-премьера Хижи я познакомился с одним алтайским предпринимателем, у которого был большой банк и была мечта, популярная и ныне: запустить волну новых технологий, оседлать ее, инвестировать в нее и заработать на ней большие деньги. Одним из наиболее понятных и прозрачных изобретений, про которое он говорил тогда – «ну, это уже решено, тут я по большому счету и не нужен, мы уже прибыль получим к концу этого года» – был мотор-колесо, о котором недавно в очередной раз писал «Эксперт». Втулочка такая у велосипеда, а внутри безумно эффективный двигатель, позволяющий творить на этом велосипеде чудеса...

Прошло пятнадцать лет, банк, естественно, после тщетных попыток раскрутить этот бизнес разорился уже через год. У самого бизнес-проекта поменялась куча хозяев – там были и бизнес-ангелы, и венчурные фонды, и две зарубежных команды менеджеров после двух наших, теперь проект стал международным, предпринимается попытка производить велосипеды в Индии и продавать в Китае... Но по-прежнему все висит на волоске, по-прежнему непонятно, удастся ли внедрить эту удивительную технологию.

В чем же проблема? А проблема с виду очень проста и

стандартна: в любом изобретении, касающемся массового спроса – будь то цифровая видеозапись, новый велосипед или самопрыгающие в рот пельмени – мы сталкиваемся с тем, что новая технология выполнения социальной функции должна заместить собой старую. Но на старых велосипедах катаются сотни миллионов людей, эти велосипеды кем-то производятся, в индустрию велопроизводства уже вовлечены фонды, судьбы, кредиты, кадры, этим живет и кормится заметная часть земного шара. Для того же, чтобы заработал мотор-колесо, нужно этот жизненный уклад куда-то отодвинуть, и на его месте воздвигнуть новый. Это фундаментальный, стратегический процесс, который традиционно занимал время жизни целого поколения. Всем производителям надо помочь переучиться или позволить доработать до пенсии, инвесторам – отбить вложенные деньги, потребителям – сменить привычки и навыки пользования. Попытки ускорить процесс вызывают яростное сопротивление...

Корпоративная проблематика находится в аккурат посерединке между предпринимательской и стратегической проблематиками – это работа с распределительными институтами и отношениями. Это наше будущее, и хотелось бы, чтобы оно как можно быстрее наступило. Но во всяком современном обществе с доминирующим укладом сосуществуют заметные фрагменты далекого будущего и далекого прошлого. В этом смысле важно проблематику корпораций прорабатывать уже сегодня.

Попытка строить современные корпорации в обществе, где не пройден этап управления капитализацией, может развиваться в двух направлениях.

Путь первый – реприватизация по-большевистски. Государство-корпорация говорит: эти люди косят под бизнесменов, но они же ничего не умеют, а эти граждане изображают из себя предпринимателей, но они же жулики! Поэтому для того, чтобы все было по-корпоративному эффективно, как нам сказал Президент, надо быстренько у них все отобрать. Почему, например, собственность в энергетике раскидана по кучке сомнительных контор, которые все приватизированы? Почему большая часть гидроагрегатов, генераторов, насосов, производятся в каких-то непонятных частных компаниях? Давайте все это соберем обратно в Минэнерго, и будем управлять эффективно. Ну хорошо, некоторым добросовестным приобретателям что-нибудь заплатим, если в казне деньги будут (как Абрамовичу). А если не будет – выпустим ценные бумаги типа сталинского займа, раздадим нынешним собственникам энергоактивов, и если будет возможность – лет через тридцать частично погасим.

Но есть второй путь. Надо приложить все силы к тому, чтобы в нашей стране появилось большое количество предпринимательских фирм (это тоже иностранное слово, от «firm» – твердый, оно отражает твердость намерений, контрактов и обязательств), чтобы в этих фирмах по единому проектному стандарту, отражающему объективное устрой-

ство собственности, проводилось управление её производительностью.

И здесь, возвращаясь к медитации, с которой мы начали, хотелось бы высказать последнюю, наиболее важную мысль.

Когда мы начинаем говорить об институтах в чуть более широком контексте, чем чисто экономический, грамотные социологи отсылают нас к едва ли не единственной пристойной книжке на этот счет – «Социальное конструирование реальности» Бергера и Лукмана. А те, в свою очередь, по поводу «институтов» грамотно переадресовывают читателей к двум корням: к *отчуждению* по Гегелю-Марксу и к *объективации* по Бердяеву.

Что такое отчуждение и объективация, о чём это? Когда и где бы человек ни действовал, он действует не один, а в обществе, сообща, и большая часть того, что он делает, – это не планируемые и даже не осознаваемые им усилия по согласованию взаимной толкотни и общей бестолковщины. Эти *отчужденные* последствия социальной разобщённости тяжёлым грузом ложатся на рациональное, целенаправленное ядро человеческих устремлений, часто вовсе сводя их на нет. Ближайший, непосредственно предстоящий нам пласт отчуждения молодой Маркс в 1844 году прозорливо отождествил с **системой отношений собственности**.

Современные корпорации, как и средневековые, по-прежнему творятся людьми совместно. И потому, как и в средние века, они управляются не столько правлением и сове-

том директоров, сколько отчужденными институтами, которые остаются большей частью за сценой. В этом смысле мы продолжаем жить в мире отчуждения, где бóльшая часть того, что нас окружает, – дикий социокультурный лес.

Отчуждение – от кого и от чего? Для атеистов – отчуждение человека от плодов его труда. Для философов – отчуждение от другого человека, от результатов их совместной деятельности, от смысла человеческого существования. Для верующих – отчуждение человека от Всевышнего. И все эти бедствия каждодневно и буднично настигают каждого из нас на работе и по месту жительства.

Выходит, наши попытки научиться управлять капитализацией, эффективностью и мощностью производительных сил имеют под собой очень простую, интуитивно ясную основу. Есть критерий адекватности всякого социального конструирования: этим действием вы либо преодолеваете отчуждение, либо усугубляете его. Если преодолеваете, то летите как на крыльях, поддерживаемые незримой силой вдохновения, испытываете то, что в каббале обозначается как божественное присутствие, а по-простому, по-русски – благодать. Если не преодолеваете – обрекаете себя на богооставленность, бессмыслицу и душевную пустоту, социальную преисподнюю при жизни.

Но для человека, мыслящего рационально, отчуждение – не более чем объективное устройство собственности. Как она устроена? Как структурируется система отношений меж-

ду собственниками? Действовать нужно, опираясь на ее реальное самодвижение, на знание, сколько в ней слоев, институтов...

Если же я действую пусть даже из благих побуждений, но иду не тропую Дао, а просто ломлюсь через социальный лес по кратчайшей траектории, игнорируя ландшафт – то при этом прокапываю насквозь холмы, скачу через овраги, а деревья сшибаю лбом и валяю на окружающих, нанося колоссальный ущерб флоре и фауне, экологии, близким и самому себе. Аналогично, есть лобовой, большевистский путь создания корпораций «в ручном режиме», и есть культурный путь, основанный на знании, Писании и Предании...

«Оправдана ли в России-2008 ставка на корпорацию?»
Ответ на вопрос состоит из двух частей.

Стремиться к современной корпоративности необходимо, это один из фундаментальных, долговременных ориентиров современности. Нужно загодя готовить кадры, методы, технологии, инструменты.

Ставка на корпорацию в 2008 году невозможна, потому что ставить не на что. Этаж, на который корпорация может быть поставлена в физическом смысле слова, пока не построен. Если же пытаться, как в Советском Союзе, водружать ее на недостроенный этаж массового предпринимательства – она, будучи вещью тяжелой, провалится со страшным скрежетом, ломая временные подпорки и давя всё под собой. И погребет под обломками ростки и саженцы предыдущих

укладов, рыночного и предпринимательского, которые в нашей стране только недавно стали оформляться.

Рузвельт всегда живой. Юбилейные тезисы⁵

Рузвельтовский столетний юбилей пришелся на 1982-й – последний год брежневского застоя. По уму уместно бы откликнуться "Тезисами ЦК КПСС к столетию тов. Ф. Д. Рузвельта". Да не хватило широты взгляда, разросшаяся склера пожрала всю роговицу.

По примеру «Наших», вернувших ветеранам новогоднюю елку 1941-го, хотелось бы и тут исправиться, хотя бы спустя четверть века.

1. Дума о Рузвельте безъязыкая

Прикосновение к феномену Рузвельта оставляет занозы тайны, мощи, обаяния – алхимического набора подлинности. Даром что он чужой для русско-советского мироощущения. Потому все личное прилично разом отставить.

Рузвельт угодил в стык двух эпох, таких непредставимо громадных, что в обыденном языке им нет имен. Тут любые «измы» мельчат, тем паче всякий иностранный термин в России рискует разделить участь невинного глагола *sortir*. Капитализм, коммунизм, консерватизм и т. п. русская сви-

---

⁵ «Русский журнал», 08.02.2007: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Ruzvel-t-vsegda-zhivoj>

нья вываляла, не удосужившись съесть. Либерал, за которого отдельное спасибо Щедрину, добит ленинской присловицей "с упоением либерального кретина"...

Семнадцать лет назад⁶ мне не удалось толком выразить величие того, что совершено этим человеком. Выговаривалось это на "птичьем языке", который, увы, не стал достоянием прочих биологических сообществ.

Но иного выбора, чем околофилософский дискурс, по-прежнему нет. В жизненном опыте нормального человека релятивистские эффекты не присутствуют, потому и говорить о них приходится не на бытовом языке, а на новоязе теории относительности. Горе не от избытка ума – от недостатка речи.

Речь ниже пойдет, собственно, не столько о Рузвельте, сколько о *собственности*.

2. Бытие, сущность и понятие истории

Социальная история, на две трети еще предстоящая, делится, как помнят все младогегельянцы, на эпохи овладения-присвоения человеком собственного *бытия*, затем *сущности* и, наконец, *понятия*. Сущность же человека (как вспомнят теперь уже младомарксисты) заключена в совокуп-

---

⁶ См. "Новые вехи" в журнале «Знамя» #1 за 1990 г., книгу "Второе пришествие". – М., 1991. Тексты доступны в сети по ссылке <http://www.yk1.ru/publications/>.

ности всех социальных отношений – в *форме общения*. Аналогично присвоение бытия тогда означает овладение всеми *формами производства*, присвоение понятия – овладение *формами сознания*.

На заре *эпохи #1* первородный человек, изгнанный из рая, обнаруживает себя в качестве частного производителя, ведущего местечково-натуральное хозяйство и *отчужденного* от прочих сынов и дочерей Адамовых, от сферы совокупных ценностей и смыслов. Пытаясь преодолеть свою частность, он на протяжении эпохи создает всеобщую, универсальную форму самопроизводства – капитал.

Капитал устойчив только в процессе экспансии в некапитализированную периферию. Налетая друг на друга, частные капиталы сплетаются в ткань мирового финансового рынка, подверженную судорогам и спазмам. Великая депрессия была одним из сильнейших.

Маркс еще в заметке 1847 года доходчиво объяснил пролетариям "тайну капиталистической эксплуатации". Всю жизнь он продолжал писать том за томом о капитале не потому, что был параноиком. Подобно авиаконструктору, изучающему газодинамику, он стремился постичь закономерности движения рынка капиталов, чтобы научиться – уже за рамками завершаемой эпохи #1 – *управлять капитализацией производительных сил*.

3. Галактика Нового курса

Время Рузвельта – начало *истории #2*, эпохи овладения социальным человеком своей формой общения, то есть совокупностью отношений *собственности*. Содержание этой эпохи – движение от случайно-частных форм общения к всеобщей, общественной идентичности. Но до такой всеобщности сегодня дальше, чем до звезд. Покуда мы в первобытном лесу: отдельные собиратели себя и охотники за сущностью кустарно вяжут предпринимательские цепочки добавленной стоимости из разрозненных связей с ближайшими собственниками недостающих ресурсов.

Причину великого экономического краха Рузвельт осмысливал и описывал в понятиях, марксистское происхождение которых очевидно. Совокупная производственная мощь нации росла, а ее потребительские возможности ограничивались тупым эгоизмом монополий. Страна погрузилась в хаос, в сравнении с которым меркнет 11 сентября. Противоречие между всеобщим характером производительных сил и частностями присвоения торпедировало машину американского чуда изнутри.

То, что совершил Рузвельт и его команда, не было и не могло быть ремонтом, восстановлением. Состоялось воссоздание на новой основе, органичное возобновление национальной жизни, ее духа и тела. Едва ли, впрочем, ими дви-

гало намерение сотворить прецедент социального конструирования на все времена.

4. Рузвельтовская экспроприация экспроприаторов

Конечно, Рузвельт отдавал себе отчет: материалом его конструкторского творчества была ткань отношений собственности. Здесь он открыто выступал как наследник концепции Томаса Джефферсона. Он указывал, что право собственности в современном его виде оформлялось исторически, поэтапно, само его возникновение и дальнейшее становление проходило под фундаментальным влиянием государства. Уже в силу этого государство обязано систематически снижать транзакционные издержки самодвижения частной собственности. Корневая причина этих издержек, по Рузвельту-Джефферсону, в монополизации частной собственности олигархией и ее отчуждении от большинства трудящихся.

Впрочем, люди стремятся не столько состоять в отношениях собственности, сколько свободно пользоваться ее плодами для самореализации. Рузвельт вслед за Джефферсоном ставил права людей на жизнь, свободу и стремление к счастью выше прав свободного распоряжения собственностью.

Двадцатипятилетний Маркс, разбирая фундаментальные основы французской конституции 1773 года, сказал, как вы-

стрелил: "*Человек не был освобожден этой конституцией от собственности, – он получил свободу собственности. Он не был освобожден от эгоизма промысла, – он получил свободу промысла*". Спустя девяносто лет свобода промысла обратила американский капитализм в руины. На его месте Рузвельт возвел фундамент нового постиндустриального общества.

"Новый курс" стал первым образцом подлинной "экспроприации экспроприаторов", ради обоснования которой и писался «Капитал». Новое государство Рузвельта монополизировало функцию *регулирования капитализации активов страны*:

"Конечно, красногвардейцы не врываются в небоскребы на 5-й авеню. Но происходит нечто по существу более драматичное: финансовая элита руками государства медленно, но верно монополизировала и централизует – слой за слоем – высшие формы экономической деятельности. Правда, здесь сделаны только начальные шаги. Капитал – это не вещь, а отношение, самовоспроизводящаяся стоимость. Частичное ограничение возможностей вкладывать и использовать капитал равно его частичному уничтожению: свеча остается в руках собственника, но пламя ему уже не принадлежит. Это есть самая настоящая, по Марксу, экспроприация капиталистов. Только субъект такой экспроприации иной: вместо диктатуры пролетариата – власть финансовой элиты" (автоцитата из "Новых вех" семнадцатилетней давности).

5. Маркс и Рузвельт против вульгарного экономизма

Рузвельт с ироническим презрением относился к тем, кого называл "профессиональными экономистами", к их учениям, абсолютизовавшим неотвратимую объективность социальных законов. Ему гораздо ближе была известная позиция Маркса: "История – не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека". Человеку на то и даны воля, вера и разум, чтобы познавать механизмы самоотчуждения, производящие на свет фантомы "невидимых рук", и последовательно снимать их, овладевая институциональной энергетикой.

О том же писал идеолог пострузвельтовского менеджмента Друкер в 1955 году:

"Успех в бизнесе, по мнению экономистов, сводился к быстрой адаптации к внешним событиям в экономике, формирующейся под воздействием безличных, объективных сил, которые предприниматель не в состоянии контролировать... Но искусство управления... подразумевает ответственность за попытки сформировать определенную экономическую среду, за планирование, инициирование и проведение необходимых изменений в этой экономической среде, за стремление избавиться от ограничений, налагаемых на свободу действий предпринимателя различными

экономическими обстоятельствами... Особая задача менеджмента и заключается как раз в том, чтобы сделать желаемое сначала возможным, а затем и реальным. Менеджер не является простым порождением экономики; менеджер сам субъект и творец".

6. Типология кротов метаистории

Новый постиндустриальный свет не сошелся клином на Северной Америке 30-х.

Прорыв метаисторических сил сквозь дряхлую оболочку *истории #1* свершался многократно и не одномоментно. Эпицентр его пришелся на период между двумя мировыми войнами. Русская революция прорубает ворота в будущее, рузвельтовская реформа мостит туда первый хайвей. Но эти и прочие действующие лица и исполнители драмы по-настоящему познаваемы лишь в сравнении.

Можно предложить для этого две параллельных грубых типологии: по принципу "кто?" (типу социального субъекта) и по признаку "во имя чего?" (характеру его социального идеала).

Мыслимы три типа постиндустриальных субъектов. Во-первых, автономно действующие личности и неформальные предпринимательские команды. Во-вторых, различные корпорации-сословия. В-третьих, структуры, изоморфные це-

лостному обществу, – этносы, полисы, коммуны, вплоть до целых наций. Для второго и третьего случаев больше всего подходят термины «корпоратизм» и «коммунитаризм» (из пятитомной "Энциклопедии демократии" под редакцией Липсета). К первому случаю подошел бы термин «индивидуализм», не будь он нагружен другими смыслами.

Если пойти по параллельной линии социальных идеалов, перечисленной тройке соответствует триада "свобода – справедливость – братство". Тогда первая из идеологий постиндустриального обобществления – это либерализм. С именованьем двух других идеологий дело обстоит куда хуже. Вторую логично было бы назвать «эквицитизм», третью – «фратернитизм», но, увы, покуда они остаются безымянными.

В эмпирической политике, как всегда, налицо мешанина из разных принципов. Либерализму из идеологической тройки традиционно противопоставляются коммунизм и корпоратизм из субъектной. Причем в силу того, что «классификация» исходит от пристрастных идеологов либерального направления, остальные два заранее нагружаются негативными подтекстами.

7. Индивидуализм и коммунизм: союзники в борьбе с корпоратизмом

На первый взгляд Рузвельт – безусловный индивидуалист, а его Новый курс – воплощение идеи либерализма. Одна-

ко ему присуща отчетливая личностная раздвоенность. По мере развития реформ он все больше поворачивается в сторону "большинства забытых американцев", отчужденных от собственности, чей единственный капитал – рабочая сила, оказавшаяся не у дел. В 40-е годы он разрабатывает второй Билль о правах, который, поверх классического набора либеральных свобод, должен был гарантировать американцам право на труд, достойное существование, оплачиваемый отдых, жилище и медицинское обслуживание. Знакомо? Многочисленные обвинения Рузвельта в коммунизме, как видно, не случайны.

Внутренний конфликт Рузвельт дважды воспроизвел вовне в своей политике союзов. В рамках Нового курса он создал альянс сторонников свободы индивидуального предпринимательства и братства "забытых людей" против сословия корпоративной олигархии. Во Второй мировой пошел на коалицию с коммунистами против фашистов.

8. Партия рузвельтовского типа

Постоянно Рузвельт говорил о том, что сила, которая строит новое общество, должна иметь максимально широкую платформу. Это должна быть партия большинства, а лучше – партия всего населения, нерушимого блока либералов и «забытых». Подлинные правители обязаны уметь консолидировать все общества на внепартийной основе. Хотя он

и отталкивался от демократической партии, но ее электорат небывало расширил. Ему удалось собрать под своими знаменами весьма широкую коалицию малого и среднего бизнеса, образованного класса, рабочих, фермеров, негритянского населения.

Осмысляя себя как лидера государства, он говорил о нем как о политически нейтральной, внеклассовой силе, назначение которой – в аккумуляции и выражении национального интереса. В целом Рузвельт действовал как вождь классической "партии нового типа". Ощущение дежавю крепнет, если напомнить, что в своей демократической партии он абсолютно не терпел никаких расколов и уклонов, яростно боролся с фракционностью.

На хрестоматийных фото «Тройки» Тегеранской и Ялтинской конференций Рузвельт сидит между Сталиным и Черчиллем. Когда он ушел из жизни, на этом месте оказался Фултон, затем – железный занавес.

Никто не умаляет заслуг Черчилля, что и говорить, великого государственного деятеля. Но по самому характеру своей деятельности он был из иной эпохи, и в этом качестве куда ближе к Хаммурапи, чем к любому из двоих союзников, столь непохожих с виду.

9. Величайший эволюционер эпохи

Увы, Маркс не зря предупреждал, что прыжок из царства

производственной необходимости в новую эпоху возможен только там, где формы производства обрели всеобщность, капитал достиг классической завершенности форм. Там, где коммунистические и корпоратистские хунты рвали слабые звенья капиталистической цепи, этих условий не было и в помине. И за двадцать лет до Нового курса гениальный реформатор по ту сторону океана, озирая в тоске революционную пустыню, проговорился про "патриархальщину, полудикость и самую настоящую дикость".

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.